

5.5.4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ) /
5.5.4. INTERNATIONAL RELATIONS

Серия «Политология. Религиоведение»

2026. Т. 56. С. 74–90

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.74>

Исламистская идеология в местах лишения свободы России и Франции в 20-е гг. XXI в.: сравнительный анализ

А. Н. Старостин, Н. В. Сафонова*

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается современный этап развития исламистской идеологии в тюрьмах России и Франции. Основное внимание уделяется взаимодействию имамов с осужденными (с привлечением зарубежного опыта) в рамках борьбы с радикализацией, приводятся основные характеристики радикализированных заключенных, пути распространения исламистского экстремизма. Особый интерес представляют бюрократические и институциональные процессы в пенитенциарных учреждениях во Французской Республике, где через создание Национального совета мусульманских капелланов и принятие новых документов, регламентирующих их деятельность, происходит отделение духовного служения имамов от тюремной администрации. Обобщая опыт работы исправительных учреждений во Франции, показывается, что имамы и религиозные посредники играют большую роль в дерадикализации заключенных и борьбе с влиянием тюремных джамаатов. Именно они являются альтернативным носителем знания (о традиционном умеренном исламе), который может конкурировать с экстремистскими проповедниками.

Ключевые слова: исламизм, пенитенциарные учреждения, радикализация, экстремизм, ФСИН, капелланы.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках дополнительной темы по госзаданию «Вызовы гражданскому единству и внутренней стабильности России со стороны регионального, этнического, религиозного экстремизма: методы изучения и предупреждения в современных условиях» (FMNN-2023-0003).

Для цитирования: Старостин А. Н., Сафонова Н. В. Исламистская идеология в местах лишения свободы России и Франции в 20-е гг. XXI в.: сравнительный анализ // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2026. Т. 56. С. 74–90. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.74>

Islamist Ideology in Prisons in Russia and France in the 2020s: A Comparative Analysis

A. N. Starostin, N. V. Safonova*

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. Islamism, as a political ideology, remains widespread in correctional facilities. In this article, the authors examine the current stage of development of Islamist ideology in prisons in Russia and France. They focus on the interaction of imams with prisoners (with reference to international experience) in the fight against radicalization. They also outline the main characteristics of radicalized prisoners and the ways in which Islamist extremism spreads. Of particular interest are bureaucratic and institutional processes in correctional facilities in the French Republic, where the creation of the National Council of Muslim Chaplains and the adoption of new documents regulating their activities have separated the imams' "spiritual" ministry from prison administration. An analysis of the experience of correctional facilities in France shows that imams and religious intermediaries play a significant role in deradicalizing prisoners and combating the influence of prison jamaats. They are an alternative source of knowledge (regarding traditional/moderate Islam) that can compete with extremist preachers.

Keywords: Islamism, penitentiary institutions, radicalization, extremism, FSIN, chaplains.

Acknowledgments. This research was carried out within the framework of the additional topic of the State Assignment: "Challenges to civil unity and internal stability in Russia from regional, ethnic, and religious extremism: methods of study and prevention in modern conditions" (FMNN-2023-0003).

For citation: Starostin A.N., Safonova N.V. Islamist Ideology in Prisons in Russia and France in the 2020s: A Comparative Analysis. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2026, vol. 56, pp. 74–90. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.74> (in Russian)

Опыт последних лет показывает, что в местах лишения свободы появляются новые категории осужденных, в отношении которых не работают ранее апробированные подходы, в том числе в сфере духовно-нравственной и психологической работы. Примером такой категории являются осужденные иностранцы, объединяющиеся в условиях исправительных учреждений по этническому или религиозному признаку. В отношении таких групп снижается эффективность профилактических мероприятий привычного характера. Увеличение в местах лишения свободы числа осужденных, исповедующих ислам, диктует необходимость изменения подхода к организации воспитательного процесса с осужденными. Уголовно-исполнительная система (УИС) обязана учитывать национальные и религиозные особенности народов, выходцами из которых являются осужденные, их вероисповедание и вероучение. При работе с представителями тех или иных религиозных объединений сотрудники УИС должны иметь понимание сути их верований.

Опасность этнических групп осужденных усугубляется наличием экстремистской идеологии. Одним из вызовов, обозначенных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, является усиление мер, направленных на недопущение распространения экстремизма в учреждениях УИС. Практика показывает, что большинство проявлений экстремизма в местах лишения свободы связано с религией. Именно

поэтому Федеральная служба исполнения наказаний тесно взаимодействует с институтами гражданского общества, реализует ряд превентивных мер, направленных на ее искоренение¹.

В 2023–2025 гг. наблюдался некоторый рост присутствия радикально-исламистской идеологии в социальных сетях и мессенджерах. Однако имеются определенные отличия от прежних ее проявлений, известных по контртеррористической операции на Северном Кавказе в 2000-е гг. и деятельности террористической организации ИГИЛ² в 2010-е гг. Это связано со сменой поколений в радикально-исламистской среде и омолаживанием радикализма в целом (как и всего деструктивного сегмента). Кроме того, по мнению секретаря-координатора Кавказского геополитического клуба, главы информационно-аналитического центра «Граница настоящего» Я. А. Амелиной, радикально-исламистская пропаганда в соцсетях переживает второе дыхание и срастается с идеологией национал-сепаратизма, например под антироссийскими лозунгами «по освобождению Северного Кавказа от неверных». Это проявляется в отказе от лояльности российскому государству (требование «соблюдать законы Аллаха»), запрете на принадлежность к государственным и силовым структурам, на участие в общегосударственных мероприятиях и праздниках (Новый год, 9 Мая и т. д.), насаждении своих убеждений силой оружия, насилии в отношении инакомыслящих в исламской среде, а также в обвинении в неверии, ненависти и вражде (вплоть до убийства) по отношению к христианам, иудеям и атеистам, террористическим актам и иным преступлениям [1, с. 172–196].

После теракта в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 г. в российских колониях произошло два громких исламистских террористических акта с захватом заложников в пенитенциарных учреждениях Ростовской и Волгоградской областей³.

В марте 2025 г. директор ФСИН А. А. Гостев выступил с докладом о работе ведомства в 2024 г., в частности заявив: «Сокращение контингента мест лишения свободы сопровождается изменением его криминогенного состава. Рост числа подозреваемых, обвиняемых и осужденных за совершение преступлений террористического характера – на 45,5 %, экстремистской направленности – более чем на 96 %». Одновременно, по данным ФСИН, увеличилось количество иностранцев среди заключенных, теперь их более 30 тыс., из которых 69,5 % – это выходцы из стран Центральной Азии. Ска-

¹ Доклад начальника отдела организации взаимодействия с религиозными организациями ФКУ Центральной нормативно-технической лаборатории ФСИН России, майора внутренней службы А. Н. Подмаркова на обучающем семинаре для сотрудников УИС и представителей мусульманского духовенства по исламоведению на тему «Новые форматы сотрудничества и социальной коммуникации в уголовно-исполнительной системе: взаимодействие мусульманского духовенства и представителей ФСИН России в сфере духовно-нравственного воспитания осужденных и духовного просвещения сотрудников УИС», прошедшем 24–25 сентября 2024 г. на базе Главного управления ФСИН России по Новосибирской области.

² Международная террористическая организация «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) признана террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории России (решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г.).

³ В Ростовской области возбуждено уголовное дело по факту захвата заложников в одном из СИЗО. URL: <https://rostof.ru/articles/v-rostovskoy-oblasti-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-po-faktu-zahvata-zalozhnikov-v-odnom-iz> (дата обращения: 25.09.2025).

зал А. А. Гостев и о значительном повышении рисков «возникновения чрезвычайных ситуаций, включая побег и захват заложников»⁴.

По данным начальника отдела главного оперативного управления ФСИН России С. П. Гурая, за последние 5 лет ежегодно в учреждениях УИС наблюдается на 10 % прирост лиц, подозреваемых, обвиняемых и осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности. По состоянию на 1 сентября 2024 г. их количество составило 4780 чел.⁵

По имеющимся данным, значительная часть приверженцев радикальных воззрений предпринимает попытки распространения своих взглядов в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Предпринимаются попытки создания законспирированных группировок и вовлечение в них новых членов из представителей уголовной среды. Данная ситуация осложняется тем, что спецконтингент, содержащийся в учреждениях УИС, является благоприятной средой для проведения вербовочной работы в целях вовлечения в экстремистскую деятельность новых членов ввиду того, что основная масса заключенных считает себя незаконно осужденными, униженными и оскорбленными государством, покинутыми и забытыми родственниками и друзьями. Также многие осужденные охотно поддаются на лозунги о расовом превосходстве, справедливости, религиозной солидарности и т. д.

Для того чтобы глубже понять механизм радикализации личности под воздействием исламистской идеологии, для выработки адекватных мер контрпропаганды и дерадикализации, в ряде стран СНГ проводятся исследования путем анкетирования и глубинных интервью с бывшими членами радикальных исламистских группировок, осужденными за преступления экстремистского и террористического характера, находящимися в местах лишения свободы, а также с членами их семей. В Татарстане такой работой занимается коллектив Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан [5, с. 12–16].

Профиль джихадиста

Многообразие исследуемых анкет, как демонстрируют российские и зарубежные исследователи, свидетельствует о том, что приверженцами радикальной идеологии могут стать люди совершенно различных бэкграундов: и бедные, и богатые, и необразованные, и имеющие несколько высших образований.

Например, исследование на материалах уголовных дел в Свердловской области показало, что 30 осужденных за преступления террористической направленности являлись гражданами Российской Федерации, 5 – Республики Таджикистан, 4 – Киргизской Республики, 1 – Республики Узбекистан, по 12 осужденным данные в материалах уголовных дел отсутствовали [4].

⁴ Трифанова Е. Мер против тюремного экстремизма выработано немало. Оказавшиеся за российской решеткой иностранцы продолжают радикализироваться // Независимая. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-03-13/3_9212_foreigners.html (дата обращения: 25.09.2025).

⁵ Доклад начальника отдела главного оперативного управления ФСИН России С. П. Гурая, озвученный 11.10.2024 в ходе всероссийского обучающего семинара «Вопросы взаимодействия духовенства и сотрудников уголовно-исполнительной системы в сфере исправления, ресоциализации и духовно-нравственного просвещения подозреваемых, обвиняемых и осужденных», проходившего в режиме видеоконференц-связи.

Статистические данные по национальности лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера, распределились следующим образом: 13 – русские, 9 – таджики, 8 – азербайджанцы, 5 – киргизы, 4 – узбеки, 2 – татары, 1 – чеченец, 1 – ингуш. По 9 осужденным данные не представлены.

В ходе анализа религиозной составляющей обвиняемых и осужденных за преступления террористического характера было установлено, что 43 лица исповедуют различные варианты идеологии радикального исламизма, 3 лица являются последователями ханафитского мазхаба суннитского толка в исламе и совершили противоправные деяния исходя из корыстных умыслов либо в результате общения с близкими и родственниками, находящимися на территории Сирийской Арабской Республики, 6 чел. (фигуранты одного уголовного дела) не являются мусульманами [4].

О деятельности джамаатов в тюрьмах

В переводе с арабского «джамаа» (جماعة) – это общество, коллектив, община. Но в условиях тюрьмы джамааты – это исламистские объединения, которые понимают ислам как политическую идеологию; их основной целью, помимо оказания взаимопомощи, является вербовка новых членов в ряды исламистских организаций. С ростом количества иностранных граждан из Центральной Азии в российских тюрьмах (сегодня во многих учреждениях их число составляет до 1/3 осужденных) появились так называемые зеленые зоны⁶. И если на воле мусульманские общины характеризуются высокой степенью разнородности (принадлежностью к различным правовым школам, течениям), то «в условиях заключения они забывают распри и объединяются под общим для них зеленым знаменем»⁷. Пополняются джамааты и за счет обыкновенных преступников, изначально не мусульман, которые присоединяются к исламистам ради собственной выгоды⁸. При этом следует разделять просто верующих мусульман и членов тюремных джамаатов; часто сами мусульмане борются с последними в тюрьмах.

Эксперт Института национальной стратегии Р. Р. Сулейманов давал такое определение тюремного джихада: под ним «стоит понимать практику вовлечения криминального элемента в ряды исламских фундаменталистов прямо на территории пенитенциарных учреждений. Сам подход понятен: взять в руки оружие и убить человека “на пути джихада” – это требует определенной смелости и морально-психологической устойчивости. И кто как не

⁶ Впервые «зеленые зоны» появились в результате двух конфликтов на Северном Кавказе, в ходе которых в российские колонии хлынул первый крупный поток осужденных, исповедующих ислам. Вторая волна пришла в 2010-е вместе с ростом числа трудовых мигрантов и ужесточением антиэкстремистского и антитеррористического законодательства (см.: Антоненков Д. Тюремный джамаат: как российские колонии стали лагерями радикального ислама // 66.ru. URL: https://66.ru/news/society/276793/#i_agree_152 (дата обращения: 25.09.2025).

⁷ Там же.

⁸ Исследовательница джамаатов в тюрьмах на постсоветском пространстве Вера Миронова (Гарвард) пишет, что когда количество подобного рода преступников достигло в джамаатах критического значения, то началась борьба за власть с «воровскими», что «чудовишно для всей зоны, потому что воровская идеология сродни профсоюзу» (см.: [8]).

уголовники могут быть способны на такие поступки. Тем более что ценности зоны, построенной на системе неписаных воровских законов, легко могут быть подменены ценностями религиозного экстремизма: “жить по понятиям” – “жить по шариату”, “государство ментовское” – “государство кяферское” (т. е. неверных) и т. д.»⁹.

Поскольку еще одной спецификой российской тюремной среды является наличие традиционной «воровской культуры», то конфликты между «зелеными» и «черной мастью» стали обыденностью, так как представители тюремных джамаатов отказываются соблюдать неформальные традиции воровского мира. При этом идеология воров в современных условиях во многом устаревает, уступая место коммерческим отношениям, а заключенные (особенно мусульмане), лишаясь почвы под ногами, пытаются обрести новую опору в «братьях по вере». Тюремные джамааты к тому же пользуются поддержкой вооруженного подполья на воле, руководствующегося верой, а не соображениями выгоды»¹⁰.

Один из самых на шумевших случаев в СМИ, сообщивших о «зеленой зоне» – это исправительная колония № 2 строгого режима в Республике Калмыкия, где в 2013 г. уроженец Республики Дагестан, отбывавший наказание за незаконный оборот оружия, создал свою террористическую ячейку и привлек туда более 100 осужденных. Здесь свою роль сыграл и коррупционный фактор: «руководство колонии за денежное вознаграждение оказывало общее покровительство членам указанного террористического сообщества»¹¹.

Другая проблема, с которой сталкиваются не только члены джамаатов, но и обыкновенные мусульмане в тюрьмах, – это наличие среди сотрудников или членов руководства исправительных учреждений тех, кто участвовал в проведении контртеррористической операции на территории Чеченской Республики и сохранил ненависть к дагестанцам и чеченцам. Идущая отсюда исламофобия и кавказофобия ведет к нарушению прав мусульман в отправлении ими религиозного культа, а в худшем сценарии – к применению физического насилия. Такие факты, благодаря правозащитникам, становятся известны широкой общественности и служат очередным фактором недоверия со стороны мусульман к тюремной администрации и, следовательно, тюремным имамам, приводя их в ячейки радикальных исламистов¹².

Таким образом, исламистские тюремные джамааты превратились в полноценную конкурирующую за власть ячейку в системе исправительных учреждений, бросив вызов тюремной иерархии, они предложили ей новую альтернативу, основанную на исламистской идеологии. В то же время влия-

⁹ Сулейманов Р. Р. Тюремный халифат от 21 февраля 2013 г. // Независимая. URL: http://www.ng.ru/regions/2013-02-21/3_kartblansh.html (дата обращения: 25.09.2025).

¹⁰ Константинов Д. По поводу столкновения «воров» и мусульман в местах лишения свободы. URL: <https://rusmonitor.com/daniil-konstantinov-po-povodu-stolknoveniya-vorov-i-musulman-v-mestakh-lisheniya-svobody.html> (дата обращения: 25.09.2025).

¹¹ В Калмыкии у замглавы УФСИН прошли обыски по делу о ячейке террористов от 18 декабря 2018 г. // РИА.Новости. URL: https://ria.ru/20191218/1562533770.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.09.2025).

¹² Положение мусульман в местах лишения свободы. URL: <http://www.mashr.org/?p=6480> (дата обращения: 25.09.2025).

ние воров в законе ослабло, особенно в условиях принятия закона против криминальных авторитетов¹³. Ввиду роста джамаатов и радикализации находящихся в местах лишения свободы лиц, исповедующих ислам, ФСИН активизировала взаимодействие с мусульманскими религиозными организациями. 14 марта 2018 г. распоряжением № 67-р директора ФСИН России Г. А. Корниенко была создана Рабочая группа по взаимодействию ФСИН России и мусульманских централизованных религиозных организаций, а также утверждено Положение о данной рабочей группе¹⁴. После этого более системной стала работа по посещению мест лишения свободы исламскими религиозными деятелями для проведения духовно-нравственной и просветительской работы среди осужденных, исповедующих ислам. Также в штатном расписании учреждений уголовно-исполнительной системы появились новые должности: «помощник начальника ГУФСИН по работе с верующими» (с 2016 г.) и «помощник начальника СИЗО по работе с верующими» (с 2024 г.)¹⁵. В регионах, где значительная часть населения традиционно исповедует ислам, например в Республике Дагестан и Чеченской Республике, эти должности занимают имамы.

Имамы на службе «дерадикализации»

Одной из действенных мер профилактики радикализации, показывающих свою эффективность, является регулярное посещение исправительного учреждения грамотным имамом. По данным полевых исследований А. Н. Старостина, как правило, в качестве старшего по молитвенной комнате из числа осужденных ставят таджика или узбека, имеющего определенные религиозные знания, но зачастую осужденного по ст. 228 УК РФ¹⁶. Для значительной части верующих молиться за таким имамом («наркобарыгой») неприемлемо, так как по шариату за торговлю наркотиками полагается смертная казнь. Поэтому такие люди не могут принять в качестве духовного лидера человека, совершившего страшный с точки зрения шариата грех. В свою очередь, последователи радикальных течений не признают старшего по молитвенной комнате в качестве имама, за которым можно молиться, так как считают имама ставленником администрации и вероотступником. Выходом

¹³ В 2019 г. были приняты поправки к статье 210 Уголовного кодекса, предусматривающие уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

¹⁴ Приказ Минюста России от 21.03.2016 г. № 67 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Требований к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rossii-ot-21032016-n-67/> (дата обращения: 25.09.2025).

¹⁵ ФСИН ввела должности помощников начальников по работе с верующими от 27 июня 2024 г. // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21216175> (дата обращения: 25.09.2025).

¹⁶ Статья 228 «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

из этой ситуации является приглашение подготовленного к работе с заключенными имама¹⁷.

По данным на сентябрь 2025 г. на территории учреждений уголовно-исполнительной системы России функционирует 533 религиозных объекта для лиц, исповедующих ислам, это мечети и молитвенные комнаты. Они составляют около 1/3 всех культовых сооружений, действующих в пенитенциарных учреждениях. 406 исламских религиозных деятелей приходят окормлять осужденных, исповедующих ислам¹⁸. Но их присутствие неравномерно. Если в регионах, где традиционно распространен ислам, местное Духовное управление мусульман имеет достаточно большой штат имамов, то конкретный имам закреплен за конкретным пенитенциарным учреждением, которое посещает на регулярной основе. Но во многих регионах РФ духовным окормлением осужденных занимается лишь несколько исламских религиозных деятелей. Например, если в регионе это всего 4 имама, а учреждений около 30, то в лучшем случае каждое учреждение имаму удастся посетить два раза в год. Поэтому эффект от проводимой ими воспитательной работы невелик: осужденные продолжают «вариться в собственном соку» и слушать с помощью нелегально занесенных в колонию телефонов зарубежных проповедников зачастую радикального толка, чтобы заполнить свой вакуум. Необходимый профилактический эффект достигается лишь тогда, когда имам на регулярной основе посещает исправительное учреждение.

Опыт взаимодействия Духовного управления мусульман Нижегородской области (ДУМНО) и ГУФСИН России по Нижегородской области за 2007–2021 гг. свидетельствует об увеличении контактов и форм работы с осужденными, увеличении числа имамов, успешном урегулировании конфликтных ситуаций. Через посредничество имамов ДУМНО были открыты новые молитвенные комнаты, а «осужденные мусульмане получили возможность проводить коллективные молитвы, отмечать мусульманские праздники» [3, с. 812].

Ш. Р. Сабитов приводит следующие условия, которым должен соответствовать человек, исполняющий обязанности имама в исправительном учреждении [6]:

1) должен быть мусульманином, совершеннолетним, духовно зрелым, со сформировавшимся мировоззрением;

2) может быть только лицо мужского пола;

3) необходимо не только уметь читать Коран наизусть, но и быть «без изъянов», а также соблюдать все условия намаза. Человек с изъянами – это тот, кто не совершил (тахарат) ритуальное омовение перед намазом или не

¹⁷ Starostin A. Islamic sermons in prisons: Russia's experience. Special Report. DOC Research Institute. 2020. URL: <https://docslib.org/doc/7511738/islamic-sermons-in-prisons-russias-experience> (дата обращения: 25.09.2025).

¹⁸ Доклад начальника отдела организации взаимодействия с религиозными организациями ФКУ Центральной нормативно-технической лаборатории ФСИН России, майора внутренней службы А. Н. Подмаркова на обучающем семинаре для сотрудников УИС и представителей мусульманского духовенства по исламоведению на тему «Новые форматы сотрудничества и социальной коммуникации в уголовно-исполнительной системе: взаимодействие мусульманского духовенства и представителей ФСИН России в сфере духовно-нравственного воспитания осужденных и духовного просвещения сотрудников УИС», прошедшем 24–25 сентября на базе Главного управления ФСИН России по Новосибирской области.

прикрыл (аурат) те части тела, которые нельзя обнажать перед людьми. Такой человек не может выступать в роли имама в коллективном намазе. Помимо этого, следует учитывать следующие качества: самый набожный, самый старший по возрасту, человек с самой высокой моралью, обладатель самого красивого голоса, самый чистоплотный, самый уважаемый среди собравшихся людей;

4) в условиях исправительного учреждения кандидатура исполняющего обязанности имама для проведения молитв, помимо указанных условий, должна в обязательном порядке согласовываться с руководством исправительного учреждения и представителем централизованной религиозной организации, с которой имеется подписанное соглашение о взаимодействии.

Чаще всего не признают имама, представляющего централизованную мусульманскую религиозную организацию, только осужденные, придерживающиеся идеологии радикальных, экстремистских и террористических организаций исламистской направленности. Они считают, что такие имамы являются «слугами тагута» и работают на власть и спецслужбы. Иногда вызывает недовольство поведение самого имама: высокомерие, неискренность, вредные привычки, отсутствие богословских знаний.

Обучение имамов работе в исправительных учреждениях в России проводится, например, в рамках курсов повышения квалификации в Российском исламском университете Центрального Духовного управления мусульман России (Уфа)¹⁹, в Российском исламском институте (Казань)²⁰, курсов повышения квалификации по программе «Исламоведение» Исламским культурным центром Мордовии²¹ и на базе других учреждений. Можно было бы рекомендовать исламским вузам России и светским учреждениям, реализующим подготовку бакалавров и магистров по направлению «Исламская теология», ввести в свои образовательные программы дисциплину «Работа имама в учреждениях уголовно-исполнительной системы» для того, чтобы подготовить больше религиозных деятелей для работы в местах лишения свободы.

Анализ зарубежного опыта: тюремное служение имамов Франции в аспекте властных отношений

В каждой европейской стране существует своя специфика борьбы с исламистским терроризмом, во Франции эта специфика обоснована распространением ислама в связи с ростом мигрантов мусульманского происхождения, число которых постоянно увеличивается во второй половине XX – первой четверти XXI в. Во франкоязычной историографии большое внимание уделяется проблеме джихадизма, участию французских и европейских

¹⁹ Курсы повышения квалификации «Подготовка специалистов с углубленным изучением культуры и истории ислама для работы в пенитенциарных учреждениях». URL: <https://www.riu-ufa.ru/news/kursy-povysheniya-kvalifikatsii-podgotovka-spetsialistov-s-uglublennym-izucheniem-kultury-i-istorii-islama-dlya-raboty-penitentsiarnyh-uchrezhdeniyah/> (дата обращения: 25.09.2025).

²⁰ В РИИ проходят курсы для сотрудников УФСИН от 17 июня 2025 г. // Российский исламский институт. URL: <https://kazanrii.ru/novosti/v-rii-prohodyat-kursy-dlya-sotrudnikov-ufsin/06/2025/17/> (дата обращения: 25.09.2025).

²¹ Имамы России учатся работать в уголовно-исполнительной системе. URL: <https://trkput.ru/imamy-rossii-uchatsya-rabotat-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme> (дата обращения: 25.09.2025).

мусульман в деятельности «Исламского государства»²² в Сирии²³; исследуются не только причины радикализации французских мусульман, но и места, в которых она происходит. Проблеме радикализации мусульман в тюрьмах посвящено больше всего работ, например ряд статей и монографий Ф. Хосрохарова, Ж. Кепеля, С. Беро, С. Галембер и др.²⁴

Юго Мишрон, автор исследования «Французский джихадизм: кварталы, Сирия и тюрьмы» (2020 г.), отмечает эффективность джихадистской пропаганды, рассчитанной на разные слои населения, а не только на определенный психологический тип. ИГИЛ²⁵ использовало в своем арсенале все доступные ей информационные технологии, сделав это на высоком профессиональном уровне. Со многими из них знакомы те «вернувшиеся» из джихада, кто сегодня сидит во французских тюрьмах. Ю. Мишрон считает, что именно в тюрьмах происходит «переустройство потерпевшего поражения движения». Большинство из осужденных продолжает оставаться активистами и, хотя «лишь малая их часть является теоретиками джихада, но именно они станут идеологами джихада будущего»²⁶. Таким образом, несмотря на поражение халифата, исламисты не утратили своего влияния, и потому джихад – явление долгосрочное.

На этом фоне важное значение для программ по борьбе с терроризмом и исламистским экстремизмом приобретают служители мусульманского культа, в особенности тюремные капелланы²⁷. Институционализация капелланства началась в 2006 г. и стала возможной в первую очередь благодаря со-

²² Террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

²³ Например, такие работы, как: Кепель Ж. *Джихад: экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир, 468 с.; Roy O. *Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State*: Oxford, 2017. 136 p.; Bodine-Baron E., Helmus T., Magnuson M. *Examining ISIS Support and Opposition Networks on Twitter*. Santa Monica, CA: Rand Corporation, 2016; Kepel G., Jardin A. *Terreur dans l'Hexagone. Genèse du djihad français*. Paris, Gallimard, 2017. 392 p.; Kepel G. *Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient*. Gallimard: Paris, 2018. 528 p.; Nesser P. *Islamist Terrorism in Europe: A History*. London: Hurst, 2015. 371 p.; Pankhurst R. *The Inevitable Caliphate? A History of the Struggle for Global Islamic Union, 1924 to the Present*. Oxford University Press, 2013. 256 p.; Vidino L. *Jihadism in Europe*. *Orient* 52.4. 2011. P. 27–30; Vidino L., Brandon J. *Countering Radicalisation in Europe*. London: The International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence, 2012. 79 p.; Roy O. *Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State*: Oxford, 2017. 136 p.; Seniguer H. «La France face à la violence totale de Daech» // *Histoire, monde et cultures religieuses*. 2015. Vol. 36, N 4. P. 187–191.

²⁴ Beckford J. A., Joly D., Khosrokhavar F. *Les musulmans en prison en Grande-Bretagne et en France*. Louvain, Belgique: Presse universitaire de Louvain, 2005. 372 p.; Béraud C., Galembert C. *Des aumôniers pour lutter contre la radicalisation? Retour sur l'institutionnalisation de l'aumônerie musulmane en France* // Desmette P., Martin P. *Prisons, prisonniers et spiritualité*. Paris, France: Hémisphères, 2020. P. 189–204; Béraud C., de Galembert C., Rostaing C. *De la religion en prison*. Rennes, France: Presses universitaires de Rennes, 2016. 360 p.; Béraud C., de Galembert C. *La fabrique de l'aumônerie musulmane des prisons en France. Rapport de recherche remis à la DAP et à la Mission de recherche Droit et Justice*, 2018. 227 p.; De Galembert C. *Des acteurs religieux dans la boîte à outils de la politique de lutte contre la radicalisation: aumôniers et médiateurs du fait religieux dans les prisons françaises* // *Déviante et Société*, 2022. Vol. 46, N 3. P. 289–319; Purdie Sch., Wilkinson M., Quraishi M., Irfan L. *La prison comme expérience liminale du changement religieux* // *Revue Criminologies*, 2022. Vol. 55, N 1. P. 139–165; Garrush P. H. *Aumônier musulman des prisons: les paradoxes d'une fonction* // *Journal des anthropologues*, 2018. N 154-155. P. 237–257.

²⁵ Запрещена в Российской Федерации.

²⁶ Эксперт: «В тюрьмах сегодня больше французских джихадистов, чем в Сирии и Ираке» // RFI, 2020. URL: <https://www.rfi.fr/ru/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F/20200107-hugo-micheron> (дата обращения: 06.07.2025).

²⁷ Во французской традиции имамы, находящиеся на службе в тюрьме, называются капелланами.

зданию в 2003 г. французского Совета мусульманского культа²⁸. Благодаря финансированию от правительства, число капелланов увеличилось более чем втрое: с 2000 по 2018 г. – с 44 до 231 чел. Финансирование тюремных капелланов предусматривалось в плане борьбы с терроризмом, принятом в январе 2015 г. «К концу 2016 г. 94 % из 217 утвержденных капелланов получили компенсацию, в то время как средний показатель для других конфессий составил 26%. Для сравнения, в начале 2015 г. эта доля составляла 64 %, а в 2009 г. – 44 %. Таким образом, ислам стал основной конфессией, финансируемой в тюрьмах»²⁹.

Деятельность капелланов регламентируется следующими документами: ст. 26 Закона о пенитенциарных учреждениях от 24 ноября 2009 г.³⁰, ст. R.57-9-3 Уголовно-процессуального кодекса и Меморандумом от 16 июля 2014 г. о порядке отправления культа в местах лишения свободы³¹, а также Хартией капелланов 2018 г. и Практическими рекомендациями для мусульманских капелланов³² (в армии, тюрьмах и госпиталях) от 2024 г. В Практических рекомендациях указано, что в обязанности капеллана входит: руководство мо-

²⁸ В функции Совета входят сооружение мечетей; утверждение мусульманских капелланов в тюрьмы, больницы, колледжи и школы; проведение исламских праздников; забота о мусульманских кладбищах [2, с. 128]. В 20-е гг. Совет был фактически заменен на Исламский форум Франции (Forum de l'Islam de France, FORIF), который планировалось сделать более репрезентативным: он основан на базе так называемых территориальных представительств мусульман или региональных префектов. FORIF начал свою работу в 2022 г., его основная цель – положить конец «консульскому исламу» и наладить диалог с мусульманами напрямую, без посредничества различных исламских федераций. Форум пока состоит из комиссий, каждая из которых работает по следующим направлениям: обучение и набор имамов; организация работы тюремных капелланов; борьба с исламофобией и обеспечение безопасности мест отправления культа; укрепление уважения к принципам Республики и светским ценностям.

²⁹ Galembert C. de, Béraud C. Note de synthèse. La fabrique de l'aumônerie musulmane des prisons en France. Rapport n° 217.04.19.06. Centre National de la Recherche Scientifique. Mission de recherche Droit et Justice. 2019. P. 5. Получение денежной компенсации от государства подразумевает, что к исламским капелланам предъявляют особые требования в процессе утверждения их на эту должность. Им необходима дополнительная аккредитация после получения диплома о гражданском образовании. Образовательная подготовка была изначально разработана для имамов и во многом «вдохновлена политикой “одомашнивания” ислама во Франции, которая в значительной степени опирается на контроль над имамами и со стороны имамов для утверждения ислама, соответствующего республиканским ценностям». (Galembert C. de, Béraud C. Note de synthèse ...) Как отметили авторы отчета «Создание мусульманского капелланства в тюрьмах Франции», большинство из опрошенных капелланов прошли данное обучение по собственной инициативе.

³⁰ В статье указано, что заключенные имеют право «исповедовать религию по своему выбору» в соответствии с правилами, принятыми в организации, «без каких-либо ограничений, кроме тех, которые налагаются соображениями безопасности и поддержания порядка в учреждении». В ст. 40 предусмотрен свободный обмен корреспонденцией между капелланами и заключенными. (Le guide pratique de l'aumônier musulman. Armées, hôpitaux, prisons. FORIF, 2024. P. 6.)

³¹ Статья R.57-9-3 в разделе «Духовная помощь» оговаривает духовную помощь заключенным: «капелланы и их помощники-добровольцы должны выполнять только духовную и нравственную роль». Меморандум от 16 июля 2014 г. подробно излагает порядок отправления религиозного культа (заключенные должны быть проинформированы, что обладают правами на встречу с капелланом, посещения религиозных собраний, организованных уполномоченными лицами, и обладают правами иметь необходимые для отправления культа предметы и т. д.). (См.: Note du 16 juillet 2014 relative à la pratique du culte en détention // Bulletin Officiel du Ministère de la justice. 2014. P. 6.)

³² Текст Хартии мусульманских капелланов от 2018 г. отсутствует в Сети, но на него ссылаются авторы отчета «Создание мусульманского капелланства в тюрьмах Франции». Практические рекомендации были выпущены Форумом ислама во Франции и являются результатом работы созданного в 2024 г. Национального совета мусульманских капелланов Франции. Национальный совет учредил структуру института капелланства во главе с назначаемым Советом (а затем одобряемым пенитенциарной администрацией) национальным капелланом, который координирует действия региональных капелланов. (Le guide pratique de l'aumônier musulman. Armées, hôpitaux, prisons. FORIF, 2024. P. 12.)

литвами, проведение пятничных молитв; отправление таких религиозных обрядов, как брак и похороны; наставничество; организация мусульманских праздников, включая ночные молитвы в месяц Рамадан (по возможности); религиозное обучение; межрелигиозный диалог; противодействие радикализации. В брошюре также указаны различия между имамами и капелланами, основным является статус, а именно получение зарплаты от Министерства юстиции³³. Хотя основная функция капелланов – это религиозное служение и проведение религиозных обрядов, особую роль они играли и продолжают играть в борьбе с терроризмом и радикализацией/дерадикализацией.

Однако сам факт получения денежной компенсации и работы на Министерство юстиции не вызывает доверия у осужденных. Так, авторы отчета Научно-исследовательской миссии по вопросам права и правосудия «Создание мусульманского капелланства в тюрьмах Франции»³⁴ получили особый грант на проведение исследования о том, как исламские служители справляются с такими задачами, как завоевать доверие заключенных и быть партнером властных структур в борьбе с экстремизмом³⁵.

У авторов «нет сомнений, что подтверждает опрос, что большинство капелланов усвоили ожидания государственных властей в отношении них» и полностью принимают свою роль как проповедников ислама, соответствующего республиканским ценностям. Эта «миссия прописана в Хартии мусульманского капелланства, где говорится об “исламе золотой середины”». Риторике «французского ислама» капелланы должны следовать «преимущественно в работе с заключенными, которых считают “радикально настроенными”»³⁶.

Активное привлечение капелланов к работе с заключенными – исламистскими террористами (*terroristes islamistes*, TIS) или с теми, кто подвержен радикализации (*susceptibles de radicalisation*, DCSR), – также вызывает недоверие к ним со стороны мусульманских заключенных. Хотя формально капелланы не должны участвовать в оценке и мониторинге радикализованных заключенных, на практике они вовлечены в эти процессы «через более или менее неофициальное сотрудничество с руководством тюрем»³⁷.

В некоторых случаях это приводит к тому, что капелланов направляют в специализированные подразделения, например в Подразделение по оценке

³³ Le guide pratique de l'aumônier ... P. 10.

³⁴ Отчет «Создание мусульманского капелланства в тюрьмах Франции» был выпущен группой исследователей под руководством С. Бери, С. Галембер (Céline Béraud et Claire de Galember), финансировался Научно-исследовательской миссией по вопросам права и правосудия и Управлением пенитенциарной администрации.

³⁵ В ходе исследования было проведено 150 интервью в 6 учреждениях, из них: 65 с заключенными, 15 с руководителями, 25 с должностными лицами различного ранга, 16 с надзирателями, 4 с представителями специальной группы (ответственных за исполнение Плана борьбы с терроризмом (Plan de lutte contre le terrorisme (PLAT)), 15 с капелланами (среди них – 1 буддист, 2 протестанта, 2 католика). Также проводились наблюдения посещений капелланами камер, религиозных мероприятий и встреч с администрацией. (Galember C. de, Béraud C. La fabrique de l'aumônerie musulmane des prisons en France. Rapport remis à la Direction de l'Administration Pénitentiaire et à la mission Droit et Justice, 2019. P. 23.) Вне тюрем были проведены интервью с религиозными и светскими представительными лицами по линии Министерства юстиции, с руководителями проектов по противодействию радикализации, с региональными администрациями, с национальным мусульманским капелланом и другими религиозными деятелями.

³⁶ Galember C. de, Béraud C. Note de synthèse ... P. 10.

³⁷ Ibid. P. 11.

радикализации (*Quartier d'Évaluation de la Radicalisation, QER*), «где им поручают вести контрпропаганду, или ставят в приоритет работу с радикализованными заключенными». С 2015 г. начинают появляться новые механизмы для работы с радикализованными заключенными, такие как уже упомянутое Подразделение по оценке радикализации и Подразделение по управлению радикализацией (*Quartier de prise en Charge de la Radicalisation, QRV*). Появились новые категории сотрудников, например советник по вопросам интеграции и пробации в пенитенциарных учреждениях, который фактически выполняет функции социального работника в тюрьмах (*Le Conseiller Pénitentiaire d'Insertion et de Probation, CPIP*) при сопровождении радикализованных лиц, а также должность посредника по религиозным вопросам (*Médiateur du Fait Religieux, MFR*). В Национальной школе тюремного управления (*École Nationale d'Administration Pénitentiaire, ENAP*) участвовали тренинги по проблеме радикализации заключенных³⁸. Эти изменения в определенной мере привели к снижению роли капелланов или, по крайней мере, к пересмотру их значимости в борьбе с радикализацией.

Так, в обязанности посредника по религиозным вопросам (должность появилась в 2016 г.) входит «обнаружение, оценка рисков возможной радикализации» конкретного заключенного. Сотрудники набираются Миссией по борьбе с насильственной радикализацией (*Mission de lutte contre la radicalisation violente, MLRV*), которая в первую очередь ценит не религиозный опыт, а знания в области исламоведения, социальных наук и религии. Управление пенитенциарной администрации теперь стало регулярно ссылаться на деятельность посредников по делам религий при общении с прессой, когда публично сообщает о своей стратегии в борьбе с радикализацией, будь то на дискуссионных форумах, посвященных этой теме, на слушаниях национального представительства или в СМИ [7]. Хотя снижение упоминаний капелланов в контексте борьбы с терроризмом в публичном дискурсе и произошло, это не значит, что в реальные обязанности капелланов это больше не входит.

Таким образом, прослеживается движение в сторону государственного контроля над религией, что некоторые исследователи назвали термином «новый секуляризм»³⁹ – явление, при котором «духовная» религия становится частью «гражданской», а принцип религиозного авторитета распространяется на те группы людей, которые в принципе не должны были ему подчиняться.

Несмотря на попытки Управления пенитенциарной администрации разграничить функции капелланов, посредников, советников, а также не допустить использования религиозных служителей в политических целях, наблюдается их размытый статус: капелланы находятся в состоянии двойного давления от необходимости оказания духовной поддержки, с одной стороны, и работы на службу безопасности – с другой.

³⁸ Galembert C. de, Béraud C. La fabrique de l'aumônerie ... P. 185.

³⁹ См., например: Hennette-Vauchez S., Valentin V. L'Affaire Baby-Loup ou la nouvelle laïcité. Paris : LGDJ, 2014. 116 p.

Однако вышеупомянутый отчет указывает на то, что исламские капелланы, в отличие от христианских, хорошо встроены в административную систему и не отличаются стремлением к независимости, как христианские капелланы. Это связано с тем, что «многие воспринимают свою работу как выполняемую в рамках пенитенциарной системы, а не как духовно-нравственное служение заключенным»⁴⁰.

Таким образом, нивелирование роли капелланов во многом до превентивной деятельности по предупреждению возможной радикализации привело к обратному эффекту и обращению верующих за поддержкой к «знатокам ислама», в особенности к уважаемым в тюрьмах «возвратившимся с джихада». Многие заключенные не воспринимают капелланов как авторитетов религиозного знания, путают их с посредниками по религиозным вопросам и т. д. Однако можно рассчитывать, что с появлением Национального совета мусульманских капелланов ситуация изменится. Если раньше служители культа могли опираться только на тюремную администрацию, что влияло и на их профессиональную идентичность, то с появлением новой институциональной поддержки эту роль могут выполнять мусульманские деятели⁴¹. А ввиду появления новых должностей функцию борьбы с радикализацией и работу с исламистскими террористами могут взять на себя другие сотрудники пенитенциарной системы.

В последнее время стали уделять большое внимание теологической подготовке капелланов вне явной связи с программами противодействия радикализации, но делая акцент на диалог с другими социальными науками. Так, например, в феврале 2019 г. Институт изучения ислама и мусульманских обществ (*Institut d'études de l'islam et des sociétés du monde musulman*, ISMM) по инициативе Управления пенитенциарной администрации и Межминистерского комитета по предупреждению преступности и радикализации (*Comité interministériel de prévention de la délinquance et de la radicalisation*, CIPDR) провел семинар «Исламоведение и социальные науки в службе посредничества по религиозным вопросам»⁴². Безусловно, подобная инициатива была бы более выигрышной, если бы исходила от самих мусульманских организаций.

Таким образом, изменения, проводимые французским правительством за столь короткий срок, демонстрируют гибкость французской системы, желание адаптироваться и вывести капелланов в сферу духовного

⁴⁰ Galember C. de, Béraud C. La fabrique de l'aumônerie ... P. 49.

⁴¹ Безусловно, окончательное решение проблемы отделения капелланства от тюремной администрации зависит от процесса институционализации самого ислама во Франции. Так, идеальный вариант был бы поставить финансирование капелланов на бюджет мусульманской организации. Но среди таких организаций нет определенного лидера или объединяющей их ассоциации, которая была бы не только поддержана правительством, но и являлась бы достаточно репрезентативной и пользовалась бы поддержкой широких слоев мусульманского населения Республики. Проект Ассоциации мусульман Франции, предложенный Хакимом аль Каруи, который должен был воплотиться жизнь еще в 2019 г., так и остался неосуществленным.

⁴² Note du 16 juillet 2014 relative à la pratique ... P. 16.

служения⁴³. Но учитывая специфику французского светского государства, проводимая религиозная политика, часто вызывающая осуждение со стороны поборников светскости, свидетельствует о «возрождении административного галликанства, подрывающего принцип отделения государства от церкви» [7].

Заключение

Итак, российские и французские исследователи, как и сотрудники властных структур, подчеркивают особую роль пенитенциарных учреждений в процессе распространения исламистского радикализма. Приведенный выше анализ свидетельствует о продолжающемся высоком влиянии исламистских радикальных группировок в местах лишения свободы. Россия имеет свою специфику работы с мусульманами в тюрьмах, обусловленную тем, что большинство заключенных являются этническими российскими мусульманами, а также существованием специфической «воровской» культуры. Анализ зарубежного опыта показывает, что имамы и религиозные посредники играют большую роль в дерадикализации заключенных и борьбе с влиянием тюремных джамаатов. Именно они являются альтернативным носителем знания (о традиционном умеренном исламе), который может конкурировать с экстремистскими проповедниками.

Во Франции идет процесс отделения духовного служения имамов от явной связи с тюремной администрацией через создание Национального совета мусульманских капелланов и принятие новых документов, регламентирующих их деятельность. Следует отметить, что европейским странам мог бы оказаться полезен опыт Российской Федерации, где уже давно существуют такие организации, как Духовное управление мусульман, являющееся представительным органом мусульман и осуществляющее взаимодействие с властями.

Вопросы финансирования имамов стоят остро перед обеими странами. Тюремное служение и организационная работа должны оплачиваться, но желательно, чтобы финансирование имамов шло от религиозных организаций, как и различные инициативы по обучению и поддержке заключенных, чтобы не создавать впечатление «государственного заказа» у мусульман в заточении. Также важным остается вопрос обучения как самих имамов для работы с радикализированными мусульманами, так и сотрудников тюремной администрации. В связи с этим введение новых должностей – посредников по религиозной работе – представляется крайне перспективным.

Список литературы

1. *Амелина Я. А.* Новые формы терроризма и информационная война в контексте специальной военной операции. М. : Издатель А. В. Воробьев, 2024. 234 с.

⁴³ Об этом также свидетельствует и перечень обязанностей капелланов, например, в Меморандуме от 2014 г. борьба с любыми формами прозелитизма и радикализмом стоит на втором месте (Note du 16 juillet 2014 relative à la pratique ... P. 2), тогда как в Практических рекомендациях от 2024 г. – на предпоследнем, причем противодействие радикализму должно вестись в рамках духовного подхода, а не с точки зрения безопасности.

2. Долгов Б. В. Мусульманский ренессанс во Франции: итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 4. С. 112–140.
3. Корнилов А. А., Орехов А. А. «Тюремное служение» имамов Духовного управления мусульман Нижегородской области в 2007–2021 гг. // *Minbar. Islamic Studies*. 2021. С. 896-818.
4. Мединцев И. И., Старостин А. Н. Причины вовлеченности отдельных мусульман Свердловской области в террористическую деятельность (по материалам возбужденных УФСБ России по Свердловской области уголовных дел по статьям террористического характера) // *Исламоведение*. 2019. Т. 10, № 4. С. 59–71.
5. Патеев Р. Ф. Научная деятельность Центра исламоведческих исследований АН РТ по изучению радикальной среды // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 9–11 окт. 2018 г. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. С. 12–16.
6. Сабитов Ш. Р. Наставление мусульманину в местах лишения свободы. Саранск: Ислам. культур. центр, 2021. 114 с.
7. De Galembert C. Des acteurs religieux dans la boîte à outils de la politique de lutte contre la radicalisation: aumôniers et médiateurs du fait religieux dans les prisons françaises. *Déviance et Société*. 2022. Vol. 46, N 3. P. 289-319.
8. Mironova V. *Criminals, Nazis, and Islamists: Competition for Power in Former Soviet Union Prisons*. Oxford University Press, 2023. 309 p.

References

1. Amelina Ya.A. *Novye formy terrorizma i informacionnaya vojna v kontekste special'noj voennoj operacii* [New forms of terrorism and information warfare in the context of a special military operation]. Moscow, Izdatel A.V. Vorob'ev, 2024, 234 p. (in Russian)
2. Dolgov B.V. *Musul'manskij renessans vo Francii: itogi i perspektivy* [The Muslim Renaissance in France: Results and Prospects]. *Current Issues of Europe*, 2015, no. 4, pp. 112-140. (in Russian)
3. Kornilov A.A., Orekhov A.A. "Tjuremnoe sluzhenie" imamov Duhovnogo upravlenija musulman Nizhegorodskoj oblasti v 2007–2021 gg. ["Prison ministry" of imams of the Spiritual Administration of Muslims of the Nizhny Novgorod Region in 2007–2021.] *Minbar. Islamic Studies*, 2021, pp. 896-818. (in Russian)
4. Medincev I.I., Starostin A.N. Prichiny вовлеченности otdel'nyh musul'man Sverdlovskoj oblasti v terroristicheskuju deyatel'nost' (po materialam возбужденных УФСБ России по Свердловской области уголовных дел по статьям террористического характера) [Reasons for the involvement of individual Muslims in the Sverdlovsk region in terrorist activities (based on materials from criminal cases initiated by the FSB Directorate for the Sverdlovsk region under articles of a terrorist nature)]. *Islamic studies*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 59-71. (in Russian)
5. Pateev R.F. *Nauchnaya deyatelnost' Centra islamovedcheskih issledovanij AN RT po izucheniju radikalnoj sredy* [Scientific activities of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan on the study of the radical environment]. *Experience of deradicalization and resocialization of adherents of extremist and terrorist ideologies: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, October 9–11, 2018*. Kazan, Akademiya nauk RT Publ., 2018, pp. 12-16. (in Russian)
6. Sabitov Sh.R. *Nastavlenie musulmaninu v mestah lisheniya svobody* [Guidance to a Muslim in prison]. Saransk, Islamskij kulturnyj centr, 2021, 114 p. (in Russian)
7. De Galembert C. Des acteurs religieux dans la boîte à outils de la politique de lutte contre la radicalisation: aumôniers et médiateurs du fait religieux dans les prisons françaises. *Déviance et Société*, 2022, vol. 46, no. 3, pp. 289–319.
8. Mironova V. *Criminals, Nazis, and Islamists: Competition for Power in Former Soviet Union Prisons*. Oxford University Press, 2023, 309 p.

Сведения об авторах

Сафонова Наталья Вячеславовна
кандидат исторических наук,
научный сотрудник

Information about the authors

Safonova Natalia Vyacheslavovna
Candidate of Sciences (History),
Research Scientist

*Институт востоковедения РАН
Российская Федерация, 107031, г. Москва,
ул. Рождественка, 12
e-mail: safonovanat@gmail.com
ORCID 0000-0002-3296-1362*

Старостин Алексей Николаевич
*кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Российская Федерация, 107031, г. Москва,
ул. Рождественка, 12
e-mail: alisheria@mail.ru
ORCID 0000-0002-2703-5364*

*Institute of Oriental Studies RAS
12, Rozdestvenka st., 107031, Moscow,
Russian Federation
e-mail: safonovanat@gmail.com
ORCID 0000-0002-3296-1362*

Starostin Aleksei Nicolaevich
*Candidate of Sciences (History),
Senior Research Scientist
Institute of Oriental Studies RAS
12, Rozdestvenka st., 107031, Moscow,
Russian Federation
e-mail: alisheria@mail.ru
ORCID 0000-0002-2703-5364*

Статья поступила в редакцию **01.10.2025**; одобрена после рецензирования **13.11.2025**; принята к публикации **11.02.2026**
The article was submitted **October, 01, 2025**; approved after reviewing **November, 13, 2025**; accepted for publication **February, 11, 2026**